

ВАРВАРСКИЙ МИР СЕВЕРОПОНТИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

Сборник статей к 60-летию А.Н. Дзиговского

Министерство образования и науки Украины
Одесский национальный университет
имени И.И. Мечникова
Институт археологии НАН Украины

ВАРВАРСКИЙ МИР СЕВЕРОПОНТИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

Сборник статей к 60-летию А.Н. Дзиговского

Киев
Видавець Олег Філюк
2013

УДК 903(477.7)"652"

ББК 63.4(0)32

В 18

В 18 **Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: сборник статей к 60- летию А.Н. Дзиговского – Киев: Видавець Олег Філюк, 2013. – 246 с.**

Министерство образования и науки Украины
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

Сборник посвящен 60–летию Александра Николаевича Дзиговского – доктора исторических наук, профессора кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И.И.Мечникова. Статьи его коллег, друзей и учеников, составляющие наполнение данного тома, затрагивают широкий спектр проблем, в значительной степени, связанных с научными интересами самого юбиляра.

Для историков, археологов, краеведов.

Barbarian world of Northern Pontic lands in Sarmatian epoch. – Kiev, 2013. – 246 p.

Ministry of Education and Science of Ukraine
Odessa I.I. Mechnikov National University
National Ukrainian Academy of Sciences Institute of Archaeology.

Collection of articles is dedicated to the sixty years old birthday of Alexander Nikolaevich Dzygovskiy – doctor of historical sciences, professor of department of Ukraine archeology and ethnology of Odessa I.I. Mechnikov National University. The articles of his colleagues, friends and students, which compose content of this volume, touch the wide specter of problems, mostly connected with the scientific interests of hero of an anniversary.

For historians, archeologists, regional ethnographers.

Редакционная коллегия:

Смынтына Е.В. (ответственный редактор), Бруяко И.В., Симоненко А.В.,
Васильев А.А., Липатов К.С.

Утверждено к печати Ученым Советом
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.
протокол № 9 от 28.05.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н. Айбабин А.И., д.и.н.,проф. Сорочан С.Б.

УДК 903(477.7)"652"

ББК 63.4(0)32

ISBN 978-617-7122-06-6

© Коллектив авторов, 2013
© Видавець Олег Філюк, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

А.А. ВАСИЛЬЕВ

Некоторые заметки по случаю юбилея7-9

Е.В. СМЫНТЫНА

Экологический подход в советской археологии: от географического
нигилизма к эмпирическому плюрализму10-17

РАЗДЕЛ 1. НА СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКОЙ ОКРАИНЕ АНТИЧНОГО МИРА.

И.В. БРУЯКО

Медицинский пинцет (*vulsella*) из городища Картал19-25

О.К. САВЕЛЬЕВ

О взаимоотношениях Тире и сарматов26-32

Д.А. КОСТРОМИЧЕВ, В.В. МАСЯКИН

Бутероль ножен римского меча типа "Помпеи"
из Юго-Западного Крыма33-38

А.П. МЕДВЕДЕВ

Склеп с антропоморфным изваянием
из Восточного некрополя Фанагории39-49

РАЗДЕЛ 2. ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ: ОТ ПОЗДНИХ БАСТАРНОВ К ГОТАМ.

С.В. ВОРОНЯТОВ, В.Е. ЕРЕМЕНКО

«Плавильщики» царя Фарзоя.....51-63

М.В. ЛЮБИЧЕВ Позднескифский/сарматский компонент в черняховской культуре в лесостепи между Днепром и Северским Донцом: особенности проявления	64-95
А.А. ВАСИЛЬЕВ Погребения в ямах с уступами в черняховской культуре	96-109
Б.В. МАГОМЕДОВ Керамические импорты из дунайских провинций на памятниках черняховской культуры	110-135
РАЗДЕЛ 3. ДРЕВНОСТИ САРМАТСКОГО МИРА.	
А.С. ОСТРОВЕРХОВ «Фаянсовые» сосуды из Ногайчинского кургана, Соколовой Могилы и Пантикапея (опыт комплексного исследования)	137-175
Е.С. ДЗНЕЛАДЗЕ Египетский фаянс из сарматского погребения Молочанского могильника	176-183
И.Н. ХРАПУНОВ, А.А. СТОЯНОВА Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму	184-207
В.В. КРОПОТОВ К проблеме происхождения лучковых подвязных фибул двучленной конструкции	208-222
А.В. СИМОНЕНКО Полихромные сбруйные наборы позднеримского времени из Сарматии и Пантикапея	223-241
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	243

РАЗДЕЛ 2.

ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ: ОТ ПОЗДНИХ БАСТАРНОВ К ГОТАМ

С.В. Воронятов, В.Е. Ерёменко (Санкт-Петербург)

«ПЛАВИЛЬЩИКИ» ЦАРЯ ФАРЗОЯ

Предыстория. Семь лет назад авторами этой статьи был сделан доклад и опубликованы его тезисы, озаглавленные «Металлургический центр Лютеж, сарматы и образование горизонта Лютеж-Рахны-Почеп: попытка интерпретации» (Воронятов, Ерёменко, 2006). Первоначальное, «рабочее» название доклада звучало несколько иначе: *«Лютежское пленение бастарнов»: миф или реальность?»*, и более ёмко отражало суть предложенной в нём гипотезы, состоящей в следующем:

1. Произошедший в I в. н.э. так называемый *«кризис»* зарубинецкой культуры, когда её население покинуло укрепленные городища, прекратило хоронить своих усопших в грунтовых могильниках и, сменив места обитания, резко сократилось в численности (Щукин, 1986, с. 29; 1994, с. 232), сопровождался появлением на обширных пространствах от Южного Буга до Подесенья нескольких групп неукрепленных постзарубинецких поселений, на которых наблюдается бурный и совершенно необъяснимый в «кризисных» условиях расцвет металлопроизводства и металлообработки. Самому сильно поредевшему постзарубинецкому населению такое количество сырья и изделий было просто не нужно – следовательно, их потребителями были не сами производители, потомки бастарнов – носителей «классической» зарубинецкой культуры, а кто-то другой.

2. На постзарубинецких памятниках не обнаружено никаких следов несметных богатств и сокровищ, которые могли бы получить металлурги, если бы их продукция, производимая явно в товарных количествах, шла «на продажу». Напротив, «уровень жизни» постзарубинецкого населения совершенно очевидно был ниже, чем у насельников классических зарубинецких памятников – это отмечается практически всеми исследователями.

Поэтому нет никаких оснований и для предположений, что металлургическая продукция производилась для взаимовыгодной меновой торговли.

3. Следовательно, *металлургическое сырьё и изделия из него производились постзарубинецким населением (бастарнами) по большей части «в некоммерческих целях», самой очевидной из которых могла быть выплата дани покорившим их сарматам*¹.

Наша гипотеза вызвала живой интерес и отклики специалистов (Раев, 2008, с. 57; Симоненко, 2010, с. 12; Мачинский, 2012), и мы с удовольствием представляем на суд читателей её доказательную базу в виде статьи под названием „«Плавильщики» царя Фарзоя“ именно в сборнике, посвящённом юбилею Александра Николаевича Дзиговского, неизменно проявляющего в своих работах интерес к этому персонажу древней истории. Мы благодарны редакторам за то, что они не попросили нас поменять авторское название на другое, менее ёмкое, звучное и запоминающееся, как это случилось 7 лет назад с тезисами доклада.

Металлургическое производство постзарубинецкого населения. В классический период существования зарубинецкой культуры (II в. до н.э. – середина I в. н.э.) её носителями изготавливались предметы из железа, но находки следов и остатков металлургического производства чрезвычайно редки. Найденные на городищах немногочисленные шлаки и крицы свидетельствуют о том, что железо изготовляли практически на каждом городище, но в малом количестве, способном удовлетворить лишь минимальные потребности его жителей (Максимов, 1993, с. 32). В середине I в. н.э. ситуация кардинально меняется: в двух из новооснованных групп поселений появляются крупные специализированные металлургические центры.

В Среднем Поднепровье это Лютежское поселение (рис. 1, 1), исследованное широкой площадью (более 16000 кв. м.), с тремя жилыми постройками, пятнадцатью сыродутными горнами и более чем 400 ямами со следами металлургического производства. Топографически поселение привязано к источнику сырья – выходам болотной руды (Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 51-74; Пачкова, 1970, с. 140–151; 1974, с. 65–85; Максимов, 1982, с. 81-83)².

¹ Замечание о том, что дань сарматам выплачивалась именно сырьём, а не изделиями, в устной беседе высказал А.В. Симоненко. Пользуемся случаем искренне поблагодарить коллегу за принципиально важное уточнение, с которым нельзя не согласиться.

² Некоторые исследователи полагают, что Лютежский производственный центр удовлетворял спрос только местного постзарубинецкого населения Поднепровья. Например, Р.В. Терпиловский и Ю.Ю. Башкатов пишут, что «на поселении Лютеж металл вырабатывался для собственных нужд семьёй профессиональных металлургов-кузнецов в свободное от сельскохозяйственных работ время» (Терпиловский, Башкатов, 2010, с. 40). Однако масштабы производства сырья свидетельствуют о прямо противоположном – именно о металлургической, а не о сельскохозяйственной «специализации» насельников Лютежа.

В Южнобужском регионе это памятники Умань I и Умань II (рис. 1, 2), расположенные в местности, богатой железистыми кварцитами (Паньков, 1982, с. 206, 207; Бидзиля и др., 1983, с. 41–48, 61, рис. 7, 3)³. Уманский центр обычно сравнивается с крупными центрами товарного производства металла латенского времени, такими как Свентокшиский в Малопольше и Новоклиновский в Закарпатье (Бидзиля и др., 1967, с.152–156; Бідзіля, 1970, с. 32–48). Эти кельтские «металлургические комбинаты» работали не только для внутреннего рынка, но и экспортировали продукцию в Северное Причерноморье и римские провинции (Паньков, 1992, с. 192; 1999, с. 160; Розанова, Терехова, 1997, с. 102). Уманский центр функционировал в сопоставимом масштабе уже в раннеримское время (Бидзиля и др., 1983, с. 61, 67–69).

Кроме появления Лютежского и Уманских центров, перемены в сфере металлургии заметны и в материалах «неспециализированных» постзарубинецких поселений: по сравнению с классическими зарубинецкими памятниками, на постзарубинецких обнаружено значительно большее количество изделий из железа (Гопак, Заверняев, 1981, с.181–191; Розанова, Терехова, 1997, с. 99, таб. 2.), ассортимент и качество которых свидетельствуют о существенном прогрессе в сфере металлообработки. Так, в материалах постзарубинецких памятников появляются зубила и молотки, неизвестные в предшествующий период (Заверняев, 1969, с. 111, 112, рис. 13; Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 70, 71, рис. 11). На железных изделиях, найденных на поселениях Лютежской группы, зафиксирована технология цементации с последующей закалкой (Гопак, Шовкопляс, 1983, с. 154–160). При изготовлении железной продукции, найденной на южнобужских памятниках типа Рахны и деснинских типа Почеп, отмечено использование приёма пакетирования сырья (Гопак, Хавлюк, 1972, с. 90–96; Розанова, Терехова, 1997, с. 98, 99).

В планиграфии жилых поселений постзарубинецкого периода известен случай выделения на территории посёлка производственной зоны, где обнаружены следы железоделательной и литейной мастерских (Заверняев, 1969, с. 100, 104) и сконцентрировано подавляющее большинство находок различного рода ремесленного инвентаря (Воронятов, 2004, с. 28–33).

Металлургическое производство сарматских племён. Довольно долго в сарматоведении преобладало мнение о том, что сарматы в кузнечном и литейном ремесле были независимы от окружающего оседлого населения. Доказательствами этого служили своеобразие форм металлических изделий и их зооморфная орнаментация (Смирнов, 1964, с. 60 – 63; Мошкова, 1987, с. 24). Однако с ростом источниковедческой базы появилась возможность

³ Еще один металлургический центр исследован в Южном Побужье, у с. Синица Христиновского р-на Черкасской обл. (Паньков, Недопако, 1999, с. 149–162). Но мы не включаем его в наше исследование, поскольку его керамический материал уже не определяется как постзарубинецкий (Обломский, 2010, с. 32).

и для других интерпретаций. Развёрнутое и аргументированное мнение о том, что «на кочевников» трудились кузнецы соседних оседлых племён, в хрестоматийном издании высказала М.Г. Мошкова: «Основная масса металлических предметов – оружие, конская сбруя, котлы, ювелирные изделия, бронзовые зеркала и т.д. по всей вероятности, производилась окружающим кочевников оседлым населением по заказу сарматов и образцам, которые они представляли» (Мошкова, 1989, с. 205; 1987, с. 24–26). Для обоснования этого ею приводятся результаты специальных исследований, выполненных на материалах иткульской культуры зауральской лесостепи (Бельтикова, 1982, с. 65–75) и ананьинской культуры Прикамья (Кузьминых, 1983, с. 119; Мошкова, 1989, с. 205, 206). К этому можно добавить ещё и попытки определения регионов производства некоторых экземпляров сарматского клинкового оружия Нижнего Поволжья (Порох, 1994, с. 37 – 39).

Сведения письменных источников о том, как кочевники получали железо. Широко известен пассаж Тацита о котинах и осах – народах, живущих в Карпатском регионе (Медведев, 2010, с. 143; Вдовченков, 2012, с. 73, 74): *«Часть податей на них, как на иноплеменников, налагают сарматы, часть – квады, а котины, что ещё унижительнее, добывают к тому же железо»* (Tac. Germ. 43). Котины и осы, жители гористых районов северной и восточной Словакии (Щукин, 1994, с. 242), оказались соседями сарматов (скорее всего, языгов – С.В., В.Е.) и были вынуждены добывать для них металлургическое сырьё «в принудительном порядке».

Письменные источники рассказывают о том, что выплата податей или дани именно железом практиковалась не только в отношениях кочевников с оседлыми племенами, но и в отношениях номадов между собой. На источник, свидетельствующий об этом, обратил наше внимание при обсуждении доклада в 2006 г. Д.Г. Савинов⁴. Это отрывки из «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», опубликованного Н.Я. Бичуриным (1950). Излагая историю хуннов I в. н.э., он пишет: *«В 92 г. по Р.Х. хунны совершенно поражены были китайцами в Тарбагатае и сяньбийцы в том же году овладели землями и народом их в северной Монголии. После такого поражения осталось одно поколение из Дома Хуннов под родовым прозванием Ашина; оно удалилось к подошве Алтая, где под народным названием Дулга [Тукюе] находилось под зависимостью сяньбийцев, а потом жужаней, и вместо подати обязано было добывать железо для хана.»* (Бичурин, 1950, т. I, с. 226).

Былую силу хунны обрели только через 460 лет. Одержав победу над одним из соседних племён, хан хуннов Тумынь отправил послов к жужаням. *«Полагаясь на свою силу и многочисленность, он просил брака у жужаньского государя. Анахуань крайне разгневался, и послал нарочного с таким руга-*

⁴ Пользуемся случаем выразить Д.Г. Савинову искреннюю признательность.

тельным ответом: «Ты мой плавильщик:⁵ как же осмелился сделать такое предложение?» Тумынь также рассердился и убил посланного;» (Бичурин, 1950, т. I, с. 228).

В труде Н.Я. Бичурина есть еще и такое сообщение: «Естественное положение Алтая и обязанность дулгасского поколения добывать железо для хана подали им повод к баснословным сказаниям о выходе из гор» (Бичурин, 1950, т. I, с. 227), свидетельствующее о том, что унижительное «клеймо» литейщика-невольника могло закрепляться за племенем на века и даже в оправдательных формах укореняться в его собственных легендах.

Историческая интерпретация. Пересказывать все подробности политических событий в Северном Причерноморье в I в. н.э. было бы излишним: достаточно отослать читателей к одной из глав книги М.Б. Щукина «На рубеже эр» (1994, с. 201–221). Мы же остановимся лишь на ключевых моментах, непосредственно касающихся нашей гипотезы.

Одним из знаменательных событий в истории Северного Причерноморья начала новой эры было образование так называемого «царства» Фарзоя-Инисмея. П.О. Карышковский и М.Б. Щукин на основе исследования ареала монет очертили его границы (см. рис. 1): «река Прут, район Тернополя, ..., Бердичев, возможно, всё Правобережное Поднепровье» (Щукин, 1994, с. 213; 1982, с. 35–37; Карышковский, 1982, с. 66–79; Симоненко, 1999, рис. 10; Šćikin, 2000, p. 346, fig. 1). Скорее всего, в это объединение входили и сарматы Поднепровья (Симоненко, 1991, с. 88).

На то, каким был характер взаимоотношений номадов и зависимого от них оседлого населения в начале новой эры в Среднем Поднепровье проливают свет сведения эпитафии Плавтия Сильвана (Щукин, 1994, с. 215, 216; Дзиговский, 2003, с. 87–97; 2009, с. 150, 151; Дзиговський, 2003а, с. 151–161), составленной по случаю смерти легата римской провинции Мёзии. Так, среди прочих действий, совершённых Плавтием Сильваном, упоминается освобождение сыновей царей бастарнов: «... возвратил царям бастарнов и роксоланов их сыновей, а царю даков – братьев, взятых ранее в плен или захваченных врагами...» [CIL, XIV, 3608; Перевод Г. С. Кнабе].

Следовательно, незадолго до похода Плавтия Сильвана в 60-е гг. I в. н.э. произошёл конфликт между бастарнами и некими врагами, племенная принадлежность которых в тексте прямо не указана: так бывает в письменных источниках, когда речь идёт либо об общеизвестном, либо о неизвестном ранее. Мы полагаем, что во времена походов Плавтия Сильвана «неизвестными врагами» могли быть только алано-сарматы царя Фарзоя. Исследователи справедливо предполагают, что римляне до этого времени не сталкивались только с одним крупным этносом – с аланами (Яценко, 2001, с. 115–117;

⁵ «Предки Дулги (Тукюе) из рода в род жили на южной стороне Алтая и добывали железо для жужаньского хана: и посему хан сказал: ты мой плавильный невольник. Ганму» (Бичурин, 1950, т. I, с. 228).

Скрипкин, 2010, с. 175, 176; Туаллагов, 2011, с. 151). Что же касается бастарнов, упомянутых в эпитафии, их принято отождествлять с носителями звенигородской и зубрецкой групп памятников (рис. 1) в Верхнем Поднепровье (Мачинский, Тиханова, 1976, с. 73; Щукин, 1994, с. 227–232; 1999, с. 81–85). Но у нас есть веские основания для того, чтобы считать их населением Южного Побужья, оставившим памятники типа Рахны (Воронятов, 2013).

Эти памятники с металлургическим центром под Уманью расположены непосредственно на территории «царства» Фарзоя, а ещё один металлургический центр, Лютеж – на его периферии (рис. 1). Поэтому для нас нет никаких сомнений в том, что покорение кочевниками «восточной волны» (Симоненко, 2000, с. 136–138) зарубинецкого населения Поднепровья – бастарнов, переселение их в Южное Побужье (Воронятов, 2012, с. 79) и образование царства Фарзоя – звенья одной цепи: именно это зависимое население и было «плавильщиками» Фарзоя. Заложники – отпрыски бастарнских царей, могли быть взятыми в плен именно для того, чтобы гарантировать выплату алано-сарматам царя Фарзоя дани железом.

Гипотеза о «плавильщиках» Фарзоя в контексте схожих явлений. Описанный механизм взаимоотношений кочевников с оседлым населением в Северном Причерноморье в I в. н.э., по-видимому, не являлся чем-то новым: вполне возможно, что он действовал на той же территории ещё в скифское время. Ещё 16 лет назад один из авторов этой статьи выдвинул гипотезу о том, что мастера кобанской культуры Кавказа были переселены скифами в Днепровский регион с целью удовлетворения своих потребностей в ювелирной продукции – женских украшениях. Возвращаясь из европейских и переднеазиатских походов, скифы не только везли с собой награбленное, но и уводили полонянок и умелых мастеров, «сажая» их на земли на северной периферии своей территории. Именно эти мастера и могли производить кобанские по стилю и происхождению изделия из бронзы, найденные на памятниках подгорцевского варианта милоградской культуры и в женских скифских погребениях (Ерёменко, 1997, с. 53)⁶.

Похожая система взаимоотношений оседлого и кочевого населения описана Б.А. Раевым для Кубанского региона: меотскому населению Кубани в I в. н.э. пришлось строить свои отношения с кочевниками на их условиях (Раев, 2008, с. 55–57).

⁶ Гипотеза, как, впрочем, и сама статья «Относительная и абсолютная хронология Скифии: взгляд со стороны», в которой она была изложена, остались практически незамеченными научным сообществом – отчасти из-за того, что слишком уж сильно опередили своё время, отчасти ввиду малого тиража издания, в котором статья была помещена. Сейчас её текст, как и тексты всех остальных печатных работ В.Е. Еременко, доступны в Интернете для всех желающих на сайте Археология.РУ http://www.archaeology.ru/lib_bibl/bibl_ereenko_rus.html

Для территории Верхнего Подонья первых веков н.э. реконструирована система взаимоотношений автохтонного земледельческого населения с пришлыми обитателями степи. Исследователи считают, что их контакты тоже сводились к каким-то формам зависимости, покровительства или данничества (Медведев, 2008, с. 75, 76; 2010, с. 142).

Схожие явления, происходившие в Прикубанье, Подонье и Поднепровье, укладываются в теоретическую классификацию форм зависимости оседлых обществ от кочевников, разработанную А.М. Хазановым (2008, с. 245–255) и Н.Н. Крадиным (1992, с. 27–29; 2000, с. 317, 320). «Плавильщик» царя Фарзоя, в зависимости от точности реконструкций, в классификации А.М. Хазанова можно поместить между «данничеством» и «созданием земледельческого и ремесленного укладов».

С одной стороны, логично предполагать, что поздние бастарны были вынуждены добывать для кочевников Фарзоя железо для выплаты дани. В этом случае «данники остаются неинтегрированными (или не полностью интегрированными) в социально-политическую организацию господствующей группы» (Хазанов, 2008, с. 247).

С другой стороны, мы фиксируем вряд ли добровольное переселение оседлого населения из Среднего Поднепровья в Южное Побужье, что позволяет говорить о создании новых земледельческого и ремесленного укладов в условиях, когда «кочевники насильно переселяли на свои территории ремесленников и земледельцев из завоёванных оседлых обществ или же использовали в качестве таковых захваченных рабов» (Хазанов, 2008, с. 248).

Заключение. Итак, несомненно прогрессивные качественные и количественные изменения в сфере металлодобычи и металлообработки парадоксальным образом происходят в так называемый кризисный период – после того, как зарубинецкое население Среднего Поднепровья перестаёт использовать свои могильники, покидает городища и переселяется, скорее всего принудительно, со сменой привычных «топографических условий», в соседние регионы, Подесенье и Южное Побужье (Щукин, 1994, с. 232, 233)⁷.

Причины как переселения, так и «производственного переворота» в сфере металлодобычи и металлообработки постзарубинецкого населения мы видим именно в появлении в Среднем Поднепровье в I в. н.э. новой волны сарматских племён, в результате которого зарубинецкое население попало в

⁷ Ряд исследователей выдвинул «климатическо-экологическую» гипотезу объяснения глобальных перемен в структуре зарубинецкой культуры (Обломский и др., 1990; Oblomski et. al., 1999; Арион и др., 2010, с.99, 100). Несомненно, климатические изменения, если они были, тоже могли играть какую-то, скорее всего, второстепенную роль в «кризисе» классической зарубинецкой культуры, однако главной и наиболее очевидной причиной «кризиса» среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры, несомненно, был именно разгром сарматами бастарнов – её носителей (Максимов, 1978, с. 49–54; 1982, с. 123; Щукин, 1979, с. 69; 1994, с. 196, 235).

зависимость к алано-сарматам «царства» Фарзоя и было вынуждено выплачивать дань металлургическим сырьём.

Именно необходимость выплаты дани и могла стать главной причиной начала производства на постзарубинецких металлургических центрах, расположенных рядом с источниками сырья в Среднем Поднепровье и Южном Побужье. Увеличение количества и ассортимента, повышение качества железных изделий, находимых на постзарубинецких поселениях, может быть интерпретировано как «побочный эффект», «самопроизвольно» возникший в результате интенсификации занятия металлургией.

ЛИТЕРАТУРА

- Арион О. В., Башкатов Ю. Ю., Обломский А. М., Терпиловский Р. В.** У истоков славянства // Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая пол. I – II в. н.э.).- РСМ.- 2010.- Вып. 12.
- Бельтикова Г. В.** Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск, 1982.
- Бідзіля В. І.** З історії чорної металургії Карпатського узгір'я рубежу нашої ери // Археологія.- 1970.- Т. XXIV.
- Бидзиля В. И., Березовец Д. Т., Пачкова С. П.** Закарпатский металлургический центр раннего железного века // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. – К., 1967.
- Бидзиля В. И., Пачкова С. П.** Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье.- МИА.- 1969.- № 160.
- Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В.** История чёрной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н.э. – III в. н.э.). – К., 1983.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.- Т. I. – М. – Л., 1950.
- Вдовченко Е. В.** Катафрактарии и сарматский социум. К постановке проблемы // Политическая антропология традиционных и современных обществ. – Владивосток, 2012.
- Воронятов С. В.** Планиграфия и домостроительство Почепского селища // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. – Гомель, 2004.
- Воронятов С. В.** Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями междуречья Южного Буга и Днестра // РА.- 2012.- № 1.
- Воронятов С. В.** Локализация бастарнов и некоторые другие проблемы элогия Тита Плавтия Сильвана Элиана // АСГЭ.- 2013.- № 39.
- Воронятов С. В., Ерёменко В. Е.** Металлургический центр Лютеж, сарматы и образование горизонта Лютеж-Рахны-Почеп: попытка интерпретации // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. – СПб., 2006.
- Гопак В. Д., Хавлюк П. І.** Технологія обробки заліза у зарубинецьких племен Південного Побужжя // Археологія.- 1972.- 6.
- Гопак В. Д., Заверняев Ф. М.** Железные изделия Почепского селища // СА.- 1981.- №1.
- Гопак В. Д., Шовкопляс А. М.** Чёрный металл зарубинецкого поселения на Оболони в Киеве // СА.- 1983.- №4.
- Дзиговский А. Н.** Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. – Одесса, 2003.

- Дзиговський О. М.** Історія сарматів Карпато-Дніпровського регіону. Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. – Одеса, 2003.
- Дзиговский А. Н.** «Железный предмет» из Окницы, «клад» из Бузэу и сарматы Северо-Западного Причерноморья // МАСП.- 2009.- Вып. 9.
- Ерёмченко В. Е.** Относительная и абсолютная хронология Скифии: взгляд со стороны // Stratum + Петербургский археологический вестник. – СПб. – Кишинев, 1997.
- Заверняев Ф. М.** Почепское селище // МИА.- 1969.- № 160.
- Карышковский П. О.** О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. – К., 1982.
- Кнабе Г. С.** Корнелий Тацит. – М., 1981.
- Крадин Н. Н.** Некоторые аспекты взаимодействия кочевников Евразии и земледельческих цивилизаций // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб., 1992.
- Крадин Н. Н.** Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000.
- Кузьминых С. В.** Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. – М., 1983.
- Максимов Є. В.** Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія.- 1978.- Вип. 28.
- Максимов Е. В.** Зарубинецкая культура на территории УССР. – К., 1982.
- Максимов Е. В.** Хозяйство и общественный строй // Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. – М., 1993.
- Мачинский Д. А.** О прародине славян в I–V вв. и об этносоциуме русь/рос в IX в. (чрезвычайно развёрнутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского географа») // Происхождение славян и Руси. Десятые чтения памяти Анны Мачинской. – СПб., 2012.
- Мачинский Д. А., Тиханова М. А.** О местах обитания и направлениях движений славян I – VII в. н.э. (по письменным и археологическим источникам) // ААС.- 1976.- Т. XVI.
- Медведев А. П.** Сарматы в верховьях Танаиса. – М., 2008.
- Медведев А. П.** О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры // НАВ.- 2010.- Вып. 11.
- Мошкова М. Г.** К вопросу о металлургическом производстве у кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в савромато-сарматский период // Киммерийцы и скифы. ТД Всесоюзного семинара, посвящённого памяти А. И. Тереножкина.- Часть II. – Кировоград, 1987.

Мошкова М. Г. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М., 1989.

Обломский А. М. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга // Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая пол. I – II н. э.). – РСМ.- 2010.- Вып. 12.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., Петраускас О. В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины (препринт). – К., 1990.

Паньков С. В. О развитии чёрной металлургии на территории Украины в конце I тысячелетия до н.э. – первой половины I тысячелетия н.э. // СА.- 1982.- № 4.

Паньков С. В. Металлургия железа у племён Восточной Волыни (Житомирщины) рубежа и первой половины I тыс. н.э. // СА.- 1992.- № 1.

Паньков С. В., Недопако Д. П. Поселение и производственный центр поздnezарубинецкого времени у села Синица // РА.- 1999.- № 4.

Пачкова С. П. Металлургический центр зарубинецкой культуры у села Лютеж // СА.- 1970.- № 1.

Пачкова С. П. Господарство східно-слов'янських племен на рубежі нашої ери. – К., 1974.

Порох В. Н. К изучению кузнечного дела у сарматов // Античная цивилизация и варварский мир. – Новочеркасск. 1994.

Раев Б. А. Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр. Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале.- Т. II. – М., 2008.

Симоненко А. В. Очерк истории сарматских племён Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. // Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. – Киев, 1991.

Симоненко О. В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія.- 1999.- № 1.

Симоненко А. В. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье // НАВ.- 2000.- Вып. 3.

Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб., 2010.

Скрипкин А. С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // Сарматы и Восток. Сборник избранных трудов А. С. Скрипкина. – Волгоград, 2010.

Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА.- 1964.- № 3.

Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. – М., 1997.

Терпиловский Р. В., Башкатов Ю. Ю. Поздnezарубинецкие памятники Среднего Поднепровья // Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая пол. I – II н. э.).- РСМ.- 2010.- Вып. 12.

Туаллагов А. А. Аланы или «аланы» // Европейская Сарматия. XIV чтения памяти Анны Мачинской. Сборник посвящённый Марку Борисовичу Щукину. – СПб., 2011.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – СПб., 2008.

Щукин М. Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ.- 1979.- № 20.

Щукин М. Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ.- 1982.- Вып. XLVII.

Щукин М. Б. Горизонт Рахны–Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986.

Щукин М. Б. На рубеже эр. – СПб., 1994.

Щукин М. Б. Забытые бастарны // Неславянское в славянском мире.- Stratum plus.- 1999.- № 5.

Яценко С. А. Об этносе – противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н. э. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы IX международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2001.

Oblomski A. M., Petrauskas O. V., Terpilovski R. V. Environmental reasons of migrations of the south-eastern Europe population in the Ist — 5th centuries AD // AP.- 1999.- 37.

Ščukin M. B. Three ways of the contacts between the Baltic and See Black Sea littorals in the Roman Period // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungzeit in Mittel – und Osteuropa. – Łódź, 2000.

S.V. Voroniatov, V.E. Eremenko

THE METALLURGISTS OF THE KING FARZOY

The article attempts to explain the emergence of metallurgical centers of post-zarubinetetskaya culture on the territory of the Kingdom Farzoy in the first century AD. A hypothesis is that the population of zarubinetetskaya culture of the Dnieper, after it was subjugated by the nomads of the king Farzoy, was forced to pay the iron tribute. This explanation is consistent with the data of written sources of the Roman period about the relationship of nomads and settled population.

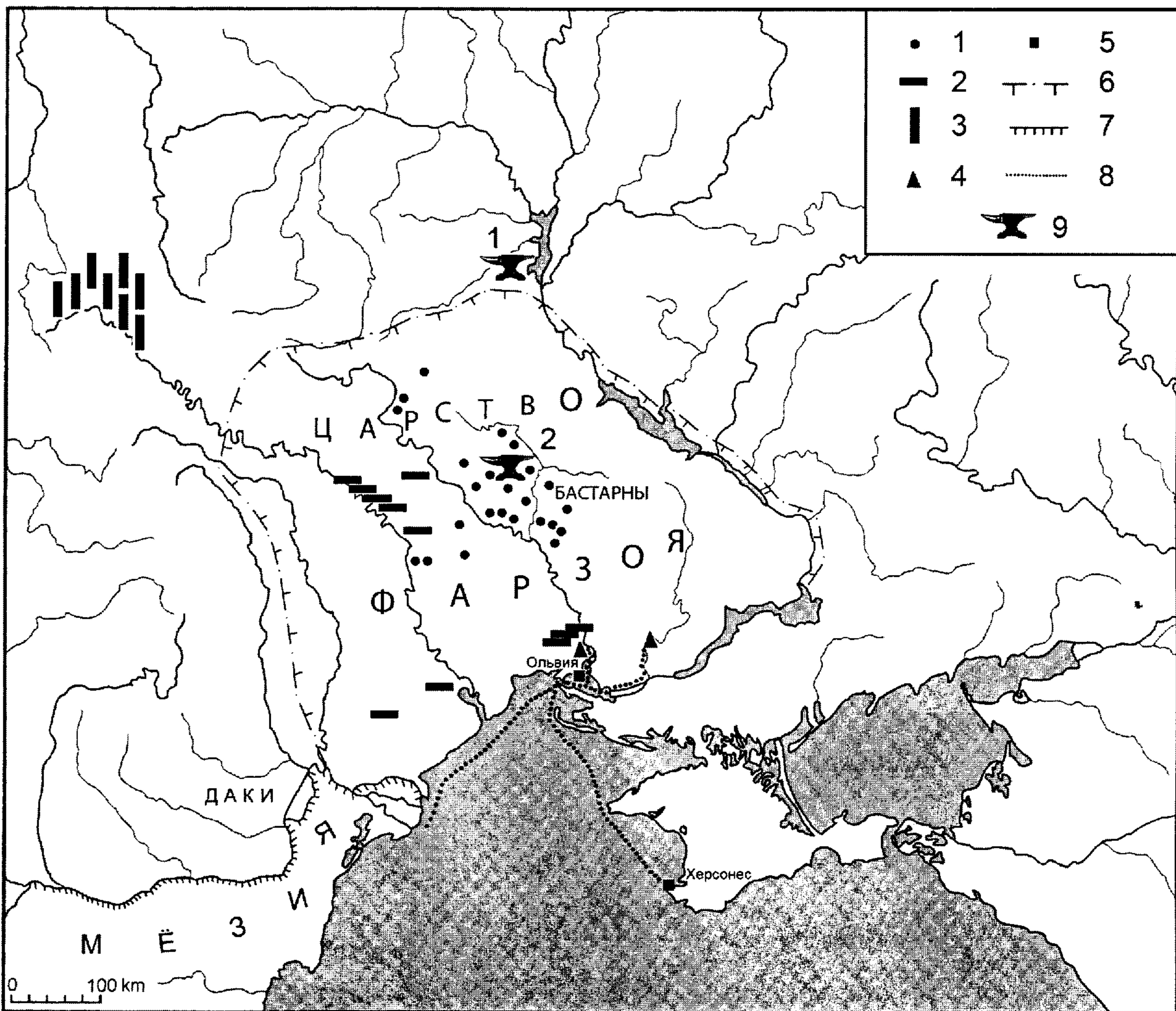

Рис. 1. Карта-схема этнополитической ситуации в Северо-Западном Причерноморье во второй половине I в. н.э.

1 – Памятники типа Рахны, отождествляемые в статье с поздними бастарнами; 2 – Погребальные памятники алано-сарматской знати (втор. пол. I – пер. четверть II в. н.э.); 3 – Зубрецкая группа памятников, отождествляемая с бастарнами Плиния; 4 – памятники Дидова Хата и Дарьевка, интерпретируемые в качестве римских лагерей; 5 – Античные города – Ольвия и Херсонес; 6 – Предполагаемая граница царства Фарзоя по П.О. Карышковскому и М.Б. Шукину; 7 – Граница римской провинции Мёзии; 8 – Возможные маршруты похода Плавтия Сильвана; 9 – Постзарубинецкие металлургические центры (1 – Лютеж, 2 – Умань I и II).

Fig. 1. The index map of ethnopolitical situation in the North-Western Black Sea coast region in the second half of the first century A.D.

1 – Monuments of the Rahny type, which ones are identified in the article with the late bastarny; 2 – Mortuary monuments of the Alanian and Sarmatian grand people (the second half of the first – the first quarter of the second centuries A.D.); 3 – Zubrezkaya group of monuments, which is identified with the Pliny's bastarny; 4 – The monuments of Didova Hata and Daryevka, which are interpreted as the roman camps; 5 – Antic polices – Olvia and Chersonese; 6 – The supposed border of Farzoy kingdom according to P.O. Karyshkovsky and M.B. Schukin; 7 – The border of roman province of Moesia; 8 – The possible patterns of Plavtiy Silvan campaign; 9 – Postzarubinezkiy metallurgic centers (1 – Lyuteg, 2 – UmanI and II).